

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ**

Теоретические вопросы образования

Хрестоматия

Часть 3

КРИТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА

**МИНСК
БГУ
2016**

УДК 378

С о с т а в и т е л и :

А. А. Полонников, Н. Д. Корчалова

Научный редактор Н. Д. Корчалова
Вступительная статья и перевод с польского
А. А. Полонникова

Р е ц е н з е н т ы :

кафедра общей и социальной психологии УО «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы»
(зав. кафедрой кандидат
психологических наук *А. М. Колышко*);
доктор психологических наук *Я. Л. Коломинский*

Теоретические вопросы образования [Электронный ресурс] :
хрестоматия. Ч. 3. Критическая педагогика / сост. : А. А. Полон-
ников, Н. Д. Корчалова. – Минск : БГУ, 2016.

ISBN 978-985-566-331-8.

Издание продолжает серию публикаций переводов известных ис-
следователей в области образования. В третьей части представлены
работы польских ученых, чьи усилия направлены на решение ши-
рокого круга вопросов эдукологии.

УДК 378

ISBN 978-985-566-331-8

© БГУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	4
Образовательный семиозис (от переводчика)	
<i>Александр Полонников</i>	6
Культура, идентичность и образование: мерцание значений	
<i>Мелосик Збышко, Шкудлярек Томаш</i>	15
Индивид и общество в современном медиальном пейзаже: к теории интермедиального образования	
<i>Шкудлярек Томаш</i>	159
Проблемы современной аудиовизуальной культуры. Медиа в контексте образования	
<i>Шперналовски Томаш</i>	238
Педагогика постмодерна: рамки дискурса	
<i>Шкудлярек Томаш</i>	279
Критический анализ дискурса: теоретическо-методологическая рефлексия	
<i>Яблоньска Барбара</i>	313
Становление преподавателя. Интеракционистско-символический анализ	
<i>Лукаш Мартиняк</i>	333
Нарратив в школе	
<i>Клус-Станьска Дорота</i>	392
Концепция нарративной идентичности: от истории жизни до диалогического «я»	
<i>Стемплевска-Жакович Катажина</i>	438

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА: ТЕОРЕТИЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ⁹⁸

Яблоньска Барбара

ВВЕДЕНИЕ

Главным мотивом данной статьи выступает, во-первых, убеждение в недооценке качественных исследований дискурса польской социологией и, во-вторых, желание поделиться с другими исследователями мыслями на тему одной из ее научных версий – критического анализа дискурса – которая, как кажется, мало популярна и, следовательно, недооценена в польских научных кругах. К этому следует добавить, что качественные исследования дискурса порождают среди социальных ученых множество споров и сомнений как теоретического, так и методологического характера. Как уверяет Цезарь Трутковский (Cezary Trutkowski), «Включение анализа дискурса в методологический и теоретический контекст профессиональных действий является для многих из нас вопросом сознательного выбора – одни совершают его с учетом изменяющейся природы нашего времени, в котором роль дискурсивного создания и преобразования действительности все более очевидна и менее спорна, другие же целенаправленно и преднамеренно игнорируют дискурс, считая интерес к нему проявлением моды или свидетельством недостаточности профессионализма в изучении четко определенного и парадигматически описанного предмета социологии» [30, 35].

Таким образом, польская социология, как в теоретическом, так и методологическом измерении, покоится на разнородном грунте и разделении на группы сторонников «мягких» и «твердых» методов исследования. Следует, однако, подчеркнуть, что в научных кругах все же растет осознание необходимости повышения ранга и значения качественных исследований дискурса, что связано прежде всего с изменениями современного мира. Отчетливо говорит об этом Александра Гжымала-Казловская, отмечая, что «интерес

⁹⁸ Jabłońska Barbara (Uniwersytet Jagielloński, Polska) Krytyczna analiza dyskursu: refleksje teoretyczno-metodologiczne Przegląd Socjologii Jakościowej, 2006, Tom II Numer 1. S. 53–67.

Перевод с польского А. А. Полонникова.

к дискурсу связывается с глубокими социальными переменами и видением современного общества как организованного практиками коммуникации, а также убеждением в том, что действительность конструируется в процессе коммуникации» [13].

С ней согласны Марек Чыжевский, Сергиуш Ковальский, Анджей Пётровский, которые утверждают, что «в последние годы в польской социологической среде, а также среди историков, политологов и представителей других социальных наук растет осознание веса дискурсивной проблематики и ее методического качественного изучения. Упомянутая и ранее обесцененная область исследований находит свое признание вопреки предвзятости в отношении качественных методов и повсеместному распространению убежденности в превосходстве количественных методов. Отчасти сегодня становится модным тезис о том, что процессы коммуникации важны для социальной жизни, что весьма значимо «становление» и «конструирование» социальной действительности в процессах публичной коммуникации, тезис, который еще недавно высмеивался, пробивает себе дорогу в центральных областях мышления в социальных науках, таких как социология, политология, история и социальная психология» [8; 9].

Как отмечают многие авторы, результаты, достигнутые благодаря качественным исследованиям дискурса, могут оказаться не менее интересными, чем углубленное его изучение при помощи количественных методик, указывая, что «интенсивные качественные исследования интерпретативными методами одного верно выбранного сообщения могут оказаться не менее, хоть и другим способом, познавательно плодотворны, чем количественный анализ тысячи анкет или миллиона телеметрических данных» [8; 9].

В этих исследованиях особого внимания требуют существенные для них теоретико-методологические штудии. Тем более, как подчеркивает Эрл Беби, в случае выбора качественных методов, теория оказывается неотделимой от исследования [1; 400].

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ДИСКУРСА

Несмотря на позитивное мнение о качественных исследованиях дискурса, следует вместе с Ц. Трутковским заметить, что с учетом «молодости» они требуют углубленной разработки соответствующей методологической программы. Это особенно важно в связи с ранее

отмеченным фактом, что анализ дискурса не является вопросом выбора для социальных наук, но «необходимостью, возникающей из-за изменчивого характера современных сообществ» [30; 49].

Не только молодость и неопределенность методологического статуса дискурс-анализа является проблемой, с которой должен считаться исследователь. Проблематичным оказывается как дефиниция самого понятия «дискурс», так и построение его теоретического изучения, которое часто проходит мимо внимания ученых.

Если говорить о первом вопросе – построении дефиниции, – то в польской научной литературе можно обнаружить ряд интересных публикаций, посвященных этой проблематике. Задачей настоящей статьи не является, однако, поиск доказательств ограниченности знания в этом плане, тем более, что другие высказались по этому вопросу достаточно основательно и исчерпывающе. Стоит только указать на две проблемы, связанные с дефинированием понятия «дискурс».

Во-первых, является несомненным фактом, замечает Ежы Шацкий, что «слово „дискурс” сделало в современной гуманистике ошеломляющую карьеру и сейчас сложно сколь-нибудь однозначно определить его значение, поскольку оно употребляется множеством способов и нередко просто выступает „научным” именем пространного высказывания или любого текста» [26; 905]. Так же говорит и А. Гжымала-Казловская, утверждая, что трудно однозначно определить это понятие, поскольку оно употребляется, заменяя такие общие понятия, как язык, коммуникация или интеракция, а также соотнобразуется со специфическим использованием языка, обозначая области научного интереса (например, дискурс политики, дискурс медицины). Кроме этого, существенной проблемой определения «дискурса» является его полисемичность [13; 15].

Во-вторых, «дискурс» чаще связывается с устным высказыванием, чем с письменным, например, в «Словаре иностранных слов» «дискурс» определяется как разговор, дискуссия или речь [24; 208], что нам представляется значительным упрощением. Это положение является следствием существовавшего когда-то разделения, согласно с которым в традиционной лингвистике определение «текст» связывалось с письменным текстом, в то время как для анализа устной речи чаще пользовались такими терминами, как «речь», «разговор» или «дискурс» [10; 13]. Таким образом, данное различие возникло из упомянутого когда-то канонического разделения

языка на письменную и устную речь, связанного с двумя научными традициями. Широкое исследование дискурса разворачивалось независимо друг от друга в Европе и Соединенных Штатах. В Европе доминировали главным образом лингвистические исследования (тут особую роль сыграл структурализм Леви-Стросса, российский формализм и чешский функционализм первой трети XX в.), зато в США необычайно динамично развивались этнометодологические и культурные исследования, ориентирующиеся в основном на устную речь. В частности, этнометодологический подход дал начало конверсационному анализу, представленному не только Гофманом, но и Саксом, Щегловым, Джефферсоном.

В границах этих двух научных течений, по-разному понимавших свой предмет, развивалась и терминологическая специфика. Следует все же отметить, что в свете сегодняшних изысканий в языковой коммуникации обсуждаемое различие подходов подверглось серьезной эрозии. Современный подход в изучении дискурса учитывает в равной степени устное и письменное высказывание в качестве элемента анализа [10; 14].

За соединение в научном исследовании текста и устного высказывания решительно высказался ван Дейк.

В своей книге *«Дискурс как структура и процесс»* он утверждает, что хотя многие исследователи сосредоточиваются в основном на устной речи (или высказывании), очень может быть, что в границах понятия «дискурс» могут быть изучены и письменные тексты. Ибо, заключает автор, существует множество сходств между способами говорения и писания, которыми пользуются индивиды для выражения своих убеждений. Это же относится и к процессу восприятия дискурса – слушания высказывания или чтения текстов [33; 10]. Голландский исследователь подчеркивает, что «тексты, как и высказывания, имеют своих „пользователей“, а именно – авторов и читателей. Мы можем, следовательно, говорить о „письменной коммуникации“, хотя ее участники не контактируют между собой лицом к лицу, а читатели часто пассивно участвуют в интеракции. За исключением обмена корреспонденциями, а также дебатов в средствах массовой информации, они редко имеют возможность ответить пишущим авторам. Это отнюдь не означает, что, читая и понимая тексты, они менее активны, чем участники устной коммуникации. И, кроме того, несмотря на ряд значимых различий между языком устной речи и языком письменной речи, существует

множество сходств для уподобления двух порядков коммуникации в общем понятии „дискурс”» [33; 11]. Следовательно, как уже было сказано, в исследовании необходимо двуаспектное понимание дискурса, учитывающее в равной степени и высказывание, и письменный текст, поскольку только тогда анализ дискурса будет полным.

Следующим важным из отмеченных выше вопросов является разнородность теоретической базы дискурсного анализа. В этом отношении мы также обнаруживаем попытки классификации теоретических подходов. Здесь встречается множество вариантов, например, разделение на лингвистические, социологические или критически ориентированные аналитики дискурса [13], или на системный [22] и интерактивный подходы [8].

Подходов и ориентаций оказывается достаточно много, и здесь может оказаться полезным замечание Л. М. Няйковского, который обратил внимание ученых на то, что «пользование понятием „дискурс” каким-либо автором без уточнения оснований подхода не может не вызывать теоретическую тревогу» [21; 70]. Иначе говоря, имеется столько способов понимания «дискурса», сколько существует теорий, использующих это понятие.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА (CDA)

Систематизация теоретических оснований исследований коммуникации ведет к выделению трех течений в анализе дискурса: социологически, лингвистически и критически ориентированных изысканий [13; 24].

Так, лингвистический анализ дискурса концентрируется исключительно в области изучения письменного текста, а также на структурном описании дискурса. Он является формальным подходом, в котором дискурс рассматривается как языковая структура и внимание концентрируется на процессуальных и контекстуальных элементах языкового поведения. По мнению ван Дейка, значительное количество работ, вышедших в свет в последнее время, придерживается лингвистической ориентации [35; 109]. Большая их часть следует в русле исследований М. Холлидея (Holliday), который вместе с публикациями Джона Синклера (Sinclair) и Мальколма Кулхарда (Coulthard) определил основной канон работ в области лингвистического анализа дискурса.

В то же время общими чертами для социологически и критически ориентированного анализа дискурса являются, в отличие от лингвистического подхода, понимание дискурса и как высказывания, и как текста, обращение внимания на контекст, в котором он реализуется, и на его процессуальность. Разность указанных подходов основывается, однако, на том, что в критических исследованиях, кроме описательно-объяснительной плоскости, прибавляется еще нормативное пространство, и, как замечает А. Гжымала-Казловская, «представители объяснительно-описательного подхода ставят перед собой прежде всего познавательные цели, а представители критического анализа дискурса трактуют свои исследования как формы социальной практики и даже политической деятельности, направленной на изменение реальности» [13; 31].

Критический анализ дискурса является относительно молодым направлением, насчитывающим не более четверти века. Его начало относится к 1979 году и связано с появлением книги Роджера Фаулера (R. Fowler) и Гюнтера Кресса (G. Kress) «Язык и контроль» (*Language and Control*). Посредством ее в научный обиход вошло понятие «критическая лингвистика» (*critical linguistics*), которое было воспринято и распространено другими исследователями, а позднее трансформировалось в так называемый «критический дискурс-анализ». С момента появления указанной публикации и до настоящего времени в западных научных кругах вышло большое количество работ по критическому анализу дискурса, например, книга Н. Феркло (N. Fairclough) «Критический дискурс-анализ» (*Critical Discourse Analysis*, 1995) или Р. Водак (R. Wodak), М. Меер (M. Meyer) «Методы критического дискурс-анализа» (*Methods in Critical Discourse Analysis*, 2001), а также множество других, использующих разнообразные перспективы и методы, начиная от скрупулезного разговорного анализа, исследований риторики, стиля, аргументации, форм вежливости и заканчивая анализом актов речи [32].

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА (CDA)

Существует несколько фундаментальных положений критического анализа дискурса, которые обобщенно изложены его ключевым представителем Т. ван Дейком в тексте «Принципы критического дискурс-анализа» [34]. Одно из них – убеждение в непротивопостав-

ленности CDA другим направлениям аналитики дискурса, CDA не претендует на то, чтобы принадлежать какой-то одной дисциплине, парадигме или школе. Потребность в нем вызвана к жизни существующими, часто «неотложными» и «болезненными» социальными проблемами, нуждающимися в разрешении. Как утверждает Дейк, в рамках CDA возможно использование различных теорий, описаний, методов в зависимости от их пригодности к реализации социополитической цели [34, с. 252]. Таким образом, это интердисциплинарный подход, в котором различение теорий, описаний и приложений оказывается менее существенным.

Рассматривая эти положения применительно к современному состоянию критического анализа дискурса (в теоретико-методологическом плане), мы будем опираться на концепции трех авторов: Юргена Хабермаса, Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё, которые сделали проблематику дискурса центральным пунктом своих теоретических исследований. Почему избраны именно они? Тому есть две причины.

Во-первых, теории Хабермаса, Фуко и Бурдьё (хотя и различно) в разработке проблематики дискурса полагают язык в центр различных практик социализации. В то же время, рассматривая, например, теоретическую идею Хабермаса и Фуко, необходимо вслед за Бытневским сказать, что их философии дискурса нигде не пересекаются [6, с. 9]. Однако это связано не с тем, что их научные разработки выполнены в отличных интеллектуальных традициях, а с тем, что они шли к этому понятию разными дорогами. Как заметил упомянутый автор, для обоих мыслителей дискурс является понятием граничным в том смысле, что становится цензурой в их мышлении: Фуко в определенный момент теряет веру в «интегрирующую смысл мощь дискурса», а у Хабермаса происходит смена перспективы коммуникативного поворота «в надежде на нахождение в „дискурсе” того, что аналитическое решето критической теории отбросило как лишнее» [6, с. 9].

Эти подходы, хотя и далекие друг от друга, имеют общие элементы – прежде всего их связывает положение о значении языка в процессе конституирования сообщества. Иначе говоря, как утверждает Мендельский, данное начинание является «кропотливым испытанием языка в роли последнего архитектора всех социализационных процессов» [18, с. 103]. Интересно, что и у Фуко, и у Бурдьё язык имеет «дьявольский» характер (является источником насилия

и скрытых властных отношений), у Хабермаса же он «ангельский», поскольку благодаря «языку устанавливается исторический порядок, производится необходимый сообществу бальзам консенсуса..., выплавляются элементы демократии». Следовательно, Хабермас верит в мощь языка, с помощью которого возможно достижение согласия (если, разумеется, будут соблюдаться условия ситуации идеальной коммуникации). Он верит, что благодаря языку возможно строительство гражданского общества. Зато французские авторы доказывают, что в языке всегда содержатся скрытые отношения власти, всегда наличествует асимметрия, происходит навязывание значений.

Во-вторых, избранные мной теоретические ориентации, предложенные тремя авторами, определяют, что особенно важно, критическую перспективу анализа коммуникативных событий. Эти подходы вписываются в программные положения критического анализа дискурса (CDA), изложенные Т. ван Дейком в упомянутом мной ранее тексте «Принципы критического дискурс-анализа» [34].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД

Задачей социолога согласно критическому подходу выступает разоблачение языкового насилия и скрытых отношений власти. Анализ дискурса – это серьезный вызов для исследователя, требующий к тому же, как уже говорилось, междисциплинарного подхода, обнаруживающего связи между текстом, языком, социальным познанием, властью, обществом и культурой [34, с. 253]. Из этого следует, что ученый не только описывает и объясняет интересующее его явление, но также играет роль активного лица, защитника тех, кто подвергается воздействию скрытой, часто неосознаваемой власти, приобретающей форму символического насилия. Иначе говоря, исследователь, занимая определенную позицию, заявляет свою точку зрения, несвободную от ценностей, что, однако, не является, как заметил Штомпка, его слабой стороной, как это вытекало бы из положений социальных наук, ориентированных на нормативность и ценностность, стремящихся к формулированию установок и принципов практических и политических действий [28, с. 20]. Близкую позицию занимает ван Дейк, подчеркивая, что анализ дискурса в критической его форме не может быть нейтральным, поскольку его фундаментальным положением выступает «заинтересованное

отношение» [34, с. 270]. Можно, следовательно, сказать, что этот принцип профессиональной деятельности социолога становится его призванием и способом жизни [20, с. 164].

Хабермас также считает, что главной целью социальных наук является распознавание скрытых, но реально существующих форм социального угнетения и принуждения, которые социальный исследователь должен сделать явными. Идентификация такого принуждения создает для граждан возможность освобождения от его влияния или эмансипации. Социальная наука ориентируется, следовательно, на цели практические, так как исследователь сознательно ставит себя на сторону угнетенных. Другими словами, в исследовании коммуникативных событий речь идет не столько об интерпретации социальной реальности, сколько об ее изменении, которое бы вело к установлению общественных отношений, гарантирующих «свободную коммуникацию, или, говоря иначе, освобождение человека от всякого принуждения, как «внешнего», так и «внутреннего». Речь идет не столько об освещении процессов «интеракции», сколько о достижении такого положения вещей, когда отношения между партнерами строились бы неконфликтно, на добровольном согласии» [26, с. 928].

Ключевым постулатом Хабермаса является критика современного общества, опирающаяся, с одной стороны, на выявление влияния денежных и властных отношений на отношения межличностные, а с другой, на указание перспективы их изменений, благодаря развитию сферы публичности, в которой происходит свободная дискуссия, берущая в скобки различия между гражданами, а разность мнений связывающая с дискуссией, в которой считаются с аргументами, а не с тем, кто их использует, и средствами, которыми он располагает [26].

Ценностями, признаваемыми Хабермасом приоритетными, наряду со свободной коммуникацией, являются «искренность, ответственность, правдивость, а также симметричность отношений индивидов; равенство и братство, и в итоге свобода и независимость» [27, с. 145], благодаря чему оказывается возможным достижение идеальной речевой ситуации. Как заметил Турнер, цель хабермасовской критической теории состоит в том, что «она обнаруживает нарушающие коммуникацию условия и обстоятельства, способствующие реализации идеальной ситуации переговоров» [31, с. 654].

Упомянутые постулаты разделяются также французскими авторами Бурдьё и Фуко, разрабатывавшими, в отличие от Хабермаса,

«языковой дьяволизм». Фуко предлагал демаскировать скрытые отношения власти, скрывающиеся в языке, с помощью так называемой археологии слова, в то время как Бурдьё, обращаясь к идее предшественника, создал теорию символической власти, даже краткое изложение которой потребовало бы отдельного и обширного описания. Стоит, однако, отметить в этом месте, что Бурдьё в последней фазе своей жизни был очень ангажирован политикой, участвовал в манифестациях и забастовках, выступал в средствах массовой информации, демонстрируя свою политическую позицию, т. е. не жалел сил для критики в адрес других [7, 64–71]. Он подчеркивал, что задачей социолога является демаскировка скрытых отношений власти и указание тех областей, где эта власть приносит зло не осознающим ее субъектам [3].

Фуко также стремился к демаскировке скрытых отношений власти, активно включаясь в общественную и политическую жизнь, однако, в отличие от двух предшествующих авторов, он не дал рецепта решения проблемы, которую фиксировал в дискурсивном пространстве данного сообщества, поэтому его критическая теория имеет несколько иное звучание. Как заметил Капуста, «критицизм Фуко не вырабатывает никаких критериев оценки, не формулирует морального идеала, не предъявляет идеального образа общества. Поэтому статус его критической теории достаточно проблематичен. Он не предлагает никакого позитивного решения или какой-нибудь альтернативной концепции, не показывает во имя каких целей, каких ценностей следует стремиться к изменению актуальной ситуации» [16, с. 161].

Суммируя рассмотренные теоретические ориентации, укажем на существенную роль в них языка как архитектора различных социальных процессов, роль, вырастающую из убеждения, что наука и знание требуют наряду с другими исследовательскими приемами критического анализа языковых событий. В результате эти теории способствуют изменению нашего способа понимания самих себя, возникновению недоверия к тому, что в повседневном сознании выглядит правомерным и очевидным, так как «категории, основания, принципы, критерии и процедуры, а также техники и убеждения, которые мы по привычке считаем вполне рациональными, служат в действительности конкретным интересам власти и доминирования» [25, с. 223]. Следует ненадолго задержаться на высказанном положении.

ВЛАСТЬ И ДОМИНИРОВАНИЕ В ДИСКУРСЕ

Как подчеркивает ван Дейк, одним из ключевых моментов в CDA является понимание природы *власти* и *доминирования*. По его мнению, *власть* основывается на привилегированном доступе к социальным ресурсам, признанным ценными, – богатство, доход, положение, статус, групповая принадлежность, образование, а также знания. *Доминирование* же определяется как оперирование социальной властью посредством элит, институтов либо групп, ведущее к установлению социального неравенства (в политическом, культурном, классовом, этническом, расовом, а также сексуальном отношении). Задача CDA, следовательно, заключается в «обнаружении роли дискурса в ре(продуцировании) доминирования» [34, с. 254].

Два интересующих нас аспекта присутствуют в творчестве упомянутых авторов. В отношении концепции власти особенно интересной представляется связь между властью и знанием, о которой писал Фуко. Согласно его мнению, владеющий знанием обладает властью, и наоборот. Проще всего это отношение раскрывается при помощи категории «паноптической власти» или «пастерской власти» [11; 16]. Стоит также отметить, что Фуко полностью обходил стороной проблемы, связанные с легитимацией власти, зато, как подчеркивает Хиндесс, он акцентировал внимание на распространённости способов концептуализации практик руководства, т. е. на дискурсе, который ставит конкретные вопросы о методе, предназначенном для управления поведением других [15, с. 143].

Бурдьё в своих текстах также отводил много места размышлениям о природе власти и доминирования. Особенное значение в отправлении власти он придавал роли символического, социального и культурного капитала [4]. Введение этого понятия позволило автору сделать вывод о том, что каждый языковой обмен содержит в себе теоретическую возможность акта власти, особенно в том случае, когда субъекты занимают асимметричные позиции в распределении соответствующего капитала [5, с. 136].

Бурдьё новаторским способом использовал категорию символических элит, описывающую те группы, которые снабжены символическим капиталом, которые способны властвовать над другими (теми, кто не обладает таким капиталом) необыкновенно утонченным и невидимым способом. Иначе говоря, власть

закljučается в контроле одной группы над другой (либо над группами). Наиболее существенно то, что этот контроль связывается прежде всего с «влиянием на умы» [34, 254], что было удачно названо Бурдьё формированием габитуса в процессе педагогической деятельности.

Следовательно, современна и эффективна та власть, которая опирается на познавательные, ментальные, языковые, т. е. символические элементы. Это значит, что она имеет когнитивный характер и осуществляется с помощью таких техник, как убеждение, манипуляция, диссимуляция, чтобы изменить мышление других, приблизив его к видению доминирующей группы и ее интересам [34, с. 257].

Так «распоряжение человеческими умами» приобретает в повседневности очень тонкие формы ритуальных коммуникаций (с помощью текста и речи), которые представляются их пользователю естественными и вполне законными [34, с. 254]. Как заметил ван Дейк, «одним из главных социальных ресурсов, на который опирается власть и доминирование, – привилегированный доступ к дискурсу и коммуникации. Это означает, что пользователи языка или коммуникаторы имеют большую или меньшую свободу в употреблении специфических видов дискурса, либо участия в коммуникативных событиях, контекстах [34, с. 256].

Функция доминирующего дискурса – создание консенсуса, одобрение и легитимация доминирования [34, с. 255]. Бурдьё придавал этой проблеме широкое звучание, говоря о своеволии власти. Ее сила заключается в ее правомочности, облаченности в авторитет. Благодаря тому, что так понимаемая власть институализирована (имеет внутреннюю иерархию, последовательность уровней и институций), ее воспроизводство облегчается (в школах, судах, средствах массовой информации и т. п.).

Можно избежать дискурсивного насилия, встроенного в язык, выполняя несколько условий, о которых говорил в своих теоретических размышлениях Ю. Хабермас. Он полагает, что только идеальная речевая ситуация дает шанс для ведения неконфликтной коммуникации. Для этого необходимо соблюсти следующие условия: во-первых, партнеры должны выступать из равноправных позиций, т. е. должна быть исключена хоть какая-либо асимметрия власти, всяческое давление и принуждение; во-вторых, партнеры

должны достичь оптимального взаимопонимания или консенсуса. Все должно происходить с соблюдением правил речи, а также с учетом так называемых требований понимания – правды и справедливости высказываний [14].

Как подчеркивает Моравский, дискурс для Хабермаса – это не только действительный способ обоснования норм и идей, но также и идеальной формы социальности, т. е. такой организации социальных институтов и процессов принятия решения, которая могла бы добровольно приниматься всеми теми, кто участвует в социальной жизни [19, с. 94–95]. Хабермас отдает себе отчет в идеалистическом характере своей теории и признает, что ни одно историческое или современное общество не совпадает с предложенной им формой человеческой жизни, в которой антиципация образует дискурс. Дискурс, следовательно, является, как заключает Хабермас, скорее предпосылкой, чем очевидным социальным фактом, относящимся к способу функционирования какого-нибудь конкретного сообщества. Нам необходимо иметь в виду постулятивное, нормативное измерение критической теории Хабермаса (Habermas) в том аспекте, который связывается с дискурсом, понимаемым как основная ткань или материал человеческих отношений.

Таким образом, ядром критического анализа дискурса является скрупулезное описание и критика доминирующего дискурса (его разновидностей), цель которого – атака на социально разделенное знание, подходы, идеологию. CDA показывает, какие структуры, стратегии либо особенности текста, речи, а в более широком смысле – коммуникативные события играют ключевую роль в воспроизводстве доминирования. Необходимым предметом анализа выступают специфические дискурсивные структуры, которые детерминируют ментальные процессы и делают возможными специфичные социальные репрезентации (например, посредством метафор, гипербол, иронии, а также множества других риторических приемов) [34, с. 259].

Существенна не только демаскировка скрытых дискурсивных процессов и стратегий, приспособленных к цели воспроизводства узаконенного образа действительности доминирующей группы, но и «вылавливание» «белых дискурсивных пятен» или тех сюжетов, которые оказались исключенными из дискурса.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА В МАССМЕДИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Как заметил ван Дейк, хоть дискурсная перспектива в исследованиях средств массовой информации в последнее время принята как дополнительная или альтернативная классическому методу анализа содержания прессы, количество исследовательских работ, использующих эту перспективу, остается незначительным [35, с. 109]. Кроме того, использование дискурсного анализа для изучения медиальных сообщений дифференцировано в такой же степени, какой и область междисциплинарных исследований языка и массовых коммуникаций.

Доминирующая сегодня перспектива представляет собой междисциплинарные исследования массмедиа, где дискурс трактуется не только как структура (понимание, принятое в структурной лингвистике), но и как явление процессуальное. Такое видение дискурсных исследований средств массовой информации постулирует ван Дейк. Он подчеркивает, что анализ сообщений средств массовой информации не может быть редуцирован к изучению текстовых структур [35, с. 116]. Это только один из аспектов данных исследований, аспект к тому же исключительно поверхностный. Текстовые структуры указывают на скрытые значения, мнения и идеологию, чтобы обнаружить глубинные значения текста. Анализ должен быть развернут в социальном, политическом, когнитивном, а также культурном контексте. Организованный таким образом анализ дискурса охватывает целый *спектр* социальных проблем, связанных с неравным доступом к правомочному дискурсу (исключение, создание реальности, расходящейся с фактами, сочинение мифов, стереотипов, предубеждений, соответствующих видению, выгодному доминирующему классу).

Дискурсный анализ в изучении мира средств массовой информации использовался в частности Бурдьё, который посвятил много внимания медиальным проблемам и журналистике. Речь идет о двух книгах: «На телевидении» (*Sur la television*), а также «Принуждение журналистики» (*L'emprise du journalisme*), посвященных проблематике доминирования в массмедиа и при посредничестве последних. По его мнению, телевидение пропагандирует националистические содержания, создает манихейский образ мира и т. п. Чаще всего оно скрывает фактичность доминирования, обходит

цензуру критического и социологического анализа, апеллируя к самому событию [23, с. 76].

Для анализа дискурсивного насилия в средствах массовой информации Бурдьё создал теорию политического поля, которую изложил в тексте «Политическое воспроизводство. Элементы теории политического поля» (*La representation politique. Elements pour une theorie du champ politique*) [2]. По мнению автора, в данном случае политическое поле следует понимать одновременно и как поле сил, и как поле борьбы. Политическое поле создает эффект цензуры посредством лимитирования универсума политического дискурса (и с этим связан универсум мышления о возможном в политике) и ограничение его пространства, которое производится и воспроизводится с учетом границ политической проблематики. Граница между тем, что политически возможно (либо невозможно), и мышлением или поведением определена отношениями между экспрессивными интересами класса, его способностью к их выражению, обеспечивающей позицию, производной от связей культурного и политического производства [3, с. 172].

Таким образом, анализ дискурса в его критическом выражении заключается в демаскировке скрытых отношений власти и доминирования, которые появляются в политическом поле при посредничестве массмедиа, становящимися информационным посредником между политическими институтами и гражданами, ответственным за качество политического дискурса, доминирующего в данном обществе. Это чрезвычайно важная задача, стоящая перед ученым, стремящимся не только вскрыть механизмы языкового принуждения, но и суметь критически отнестись к изучаемому фрагменту социальной действительности, что является верным способом формулирования практических принципов его изменения. Для этого, по мнению Бурдьё, необходима способность рефлексивного мышления, вершина которого заключена в идеализме, свойственном Хабермасу.

ОКОНЧАНИЕ

Говоря о критическом анализе дискурса как одном из методов изучения пространства коммуникации современных сообществ, следует осознавать и его недостатки. Сомнение прежде всего может вызывать сама теоретическая конструкция метода. Является

самоочевидным, что критическая теория встречается с сопротивлением в научных средах, где постулируется нейтральность и социологическая объективность. Противоречия и методологические сомнения, связанные с этой проблематикой, не выступают в какой-то принципиально новой научной роли социологии и обычно соотносятся в ней с известным вопросом: «свободны ли результаты социологических исследований от ценностных аспектов или нет?» [28], поэтому задачей данной статьи было отнюдь не решение этого вопроса. Следует все же привести аргументы тех, кто критикует эмансипационную роль социологии, а также тех, кто эту роль ей приписывает.

Противники критической парадигмы в социологии решительно отрицают сколь-нибудь малую ангажированность и субъективизм исследователя, а также считают недопустимым связь научного поиска истины с социально политическим назначением социолога. Как заметил Луис Козер, «наука не принадлежит к тому институту, который требует тотальной заангажированности от человека [...]». Будем во всех наших усилиях активными гражданами, социальными критиками и историческими акторами. Но не станем требовать того, чтобы все эти активности приписывались и позициям социологов» [20, с. 128–129].

Следовательно, формулирование ценностных суждений социальным исследователем воспринимается его критиками не только как несоответствующее роли социолога, который должен во всем следовать принципу объективности, но и как ненаучное.

Этим аргументам отвечают те, кто голосует «за» критический подход. Элвин Гулднер, в частности, утверждает, что социология соглашается с «риском ценностной ангажированности помимо воли, считая, что лучше завершить искажением, чем с него начать, как это делает догматичная и выхолощенная социология, свободная от ценностей» [20, с. 139–140]. Сторонники социологической ангажированности считают, что нейтральное и свободное от ценностей социологическое исследование означает молчаливое согласие с господствующим социальным порядком, поскольку эта нейтральность не ведет в целом к решению практических проблем и напоминает умывание рук, оставляющее людей с их трудностями, решение которых как раз и представляет собой задачу широко понятой науки [20].

Создается впечатление, что спор о том, который из голосов в деле эмансипационной роли социологии (ее ли предназначение –

демаскировка насилия, встроенного в язык) является решающим, не принесет никаких осмысленных результатов. Дискуссия о принципиальных методологических вопросах – характерная черта социологии. Следует и даже должно предлагать различные подходы и исследовательские перспективы для того, чтобы обогащать научную роль социологии, чтобы расширять границы возможностей научной рефлексии социума, а также для того, чтобы инициировать дискуссии среди ученых.

За обращение внимания на анализ дискурса в его критическом варианте выступает уже упомянутый факт, что его изучение требует дальнейших углубленных исследований теоретико-методологических стандартов. Как подчеркнула А. Гжымала-Казловская, «интенсивное включение социологов в изучение дискурса могло бы быть полезным для развития дискурсного анализа как формы междисциплинарных социальных исследований» [13, с. 30].

В завершение обсуждения значения критической версии дискурсного анализа в ее теоретико-методологическом измерении представляется обоснованным подчеркнуть способность этого направления вдохновлять ученых к поиску подходов в эмпирических изысканиях. Это чрезвычайно важно, поскольку мы живем в коммуникативном обществе, насквозь пронизанном вездесущей информацией, основанном на разнообразном публичном дискурсе, формирующем наши знания об окружающей нас действительности. Как отметила М. Добек-Островская, эмпирические исследования в области массовой коммуникации уже давно подтвердили, что для большинства людей массмедиа стали основным и важнейшим источником информации о мире и политических событиях [9]. Об этом же говорит Т. Гобан-Клас, утверждая, что медиа в значительной степени создают социальную реальность, определяют модели, стандарты и нормы поведения [12, с. 114]. Таким образом, медиа являются создателями и потребителями знания, которое обеспечивает ориентацию людей в мире, выступая для многих главным источником информации.

С другой стороны, коммуникация может быть средством различных деформаций, способствовать насилию и несправедливости. Отсюда задачей социолога, занимающегося коммуникативными явлениями, является, что подчеркивалось ранее, идентификация несправедливостей, их объективация и обнаружение способов, благодаря которым их можно преодолеть. И хотя знание неконфликтной

коммуникации великого франкфуртца кажется утопией (в чем отдает себе отчет и его автор), было бы ошибкой отказаться от этого идеального типа, описывающего образ стремлений. А это, как нам представляется, является одной из главных задач интеллектуалов, занимающихся рефлексией социальной человеческой экзистенции в ее коммуникативном аспекте. Или, как подчеркнул Е. Муха, «критическая ориентация связывает в анализе то, что существует в рамках социального мира с его оценкой. Эта оценка должна быть основана на каких-то образцах. Поэтому такое большое значение имеют ... цели, идеалы» [20, с. 166]. Именно обращение к критической теории и создание на ее базе моделей чрезвычайно важно для проведения исследований.

Следует также в конце отметить, что вскрытие подповерхностных явлений (связанных с насилием, встроенным в язык) является значительным вызовом для ученого, ибо, как заметил Бурдьё, большую часть информации об окружающей нас действительности мы принимаем некритически. Так происходит во многом потому, что взглядами на неподверженность власти критике обладают те, кто претендует на монополию высказывания о реальности. Следовательно, ученый должен изжить в себе «повседневную», *доксическую* оптику и «докапываться», как говорил Фуко, до скрытых значений и смыслов, которые могут быть причиной воспроизводства определенного способа представлений о мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Babbie E.* Badania społeczne w praktyce. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
2. *Bourdieu P.* La representation politique. Elements pour une theorie du champ politique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1981. № 36/37. P. 3–24.
3. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Cambridge : Polity Press, 1991.
4. *Bourdieu P., Passeron J.-C.* Reprodukcja. Elementy teorii nauczania. Warszawa : PWN, 1990.
5. *Bourdieu P.* Zaproszenie do socjologii refleksyjnej. Warszawa : Oficyna Naukowa, 2001.
6. *Bytniewski P.* Genealogia dyskursu. Problemy niehermeneutycznej koncepcji rozumienia. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000.
7. *Corcuff Ph.* Respect critique / Ph. Corcuff. – Sciences Humaines. Numero special, 2002. – P. 64–71.

8. *Czyżewski M., Kowalski S.* Rytualny chaos. Studium dyskursu publicznego / red. A. Piotrowski. Kraków : Aureus, 1997.
9. *Dobek-Ostrowska B., Wiszniowski R.* Teoria komunikowania publicznego i politycznego. Wprowadzenie. Wrocław : Wydawnictwo ASTRUM, 2001.
10. *Duszek A.* Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.
11. *Foucault M.* Nadzorować i karać. Narodziny więzienia. Warszawa : Aletheia-Spacja, 1993.
12. *Goban-Klas T.* Media i komunikowanie masowe. Teorie i analizy prasy, radio, telewizji i Internetu. Warszawa ; Kraków : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.
13. *Grzymała-Kazłowska A.* Socjologicznie zorientowana analiza dyskursu na tle współczesnych badań nad dyskursem // Kultura i Społeczeństwo. 2004. Vol. 48, № 1. – S. 13–34.
14. *Habermas J.* Teoria działania komunikacyjnego. Warszawa : PWN, 1999.
15. Hindess, 1999.
16. *Kapusta A.* Filozofia ekstremalna – wokół myśli krytycznej Michela Foucaulta. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002.
17. *Lemert Ch., Garth G., Foucault M.* Teoria społeczna i transgresja. Warszawa ; Wrocław : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.
18. Mendelski, 1986.
19. *Morawski L.* Argumentacje, racjonalność prawa i postępowanie dowodowe / L. Morawski. Toruń : Uniwersytet im. Mikołaja Kopernika, 1988.
20. *Mucha J.* Socjologia jako krytyka społeczna. Orientacja radykalna i krytyczna we współczesnej socjologii zachodniej. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986.
21. *Nijakowski L.* Znaczenie analizy dyskursu dla socjologii narodowości // Kultura i Społeczeństwo. 2004. Vol. 48, № 1. P. 69–96.
22. *Rittel St.* Komunikacja polityczna, dyskurs polityczny, język w przestrzeni politycznej. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2003.
23. *Ruano-Borbalan J.-C.* A propos de...Sur la television // Sciences Humaines, Numero Special. 2002. S. 76–77.
24. Słownik wyrazów obcych / B. Pakosz [et al.]. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993.
25. *Stasiuk K.* Krytyka kultury jako krytyka komunikacji. Pomiędzy działaniem komunikacyjnym, dyskursem a kulturą masową. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.
26. *Szacki J.* Historia myśli socjologicznej. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002.
27. *Szahaj A.* O komunikacyjnym zwrocie w teorii krytycznej Jürgena Habermasa // Dyskursy rozumu: między przemocą a emancypacją. Z recepcji Jürgena Habermasa w Polsce / red. L. Witkowski. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 1990. S. 133–149.

28. Sztompka, P. Metodologiczne podstawy socjologii. Kraków : Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1975.
29. *Sztompka P.* Socjologia. Analiza społeczeństwa. Kraków : Wydawnictwo ZNAK, 2002.
30. *Trutkowski C.* Wybór czy konieczność – o potrzebie wykorzystania analizy dyskursu w socjologii // *Kultura i Społeczeństwo*. 2004. Vol. 48, № 1. S. 35–50.
31. *Turner J.* Struktura teorii socjologicznej. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004.
32. *Van Dijk T.* Critical Context Studies (materiał niepublikowany). Valencia : CDA Congress, 2004.
33. *Van Dijk T.* Dyskurs jako struktura i proces. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001.
34. *Van Dijk T.* Principles of critical discourse analysis // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4, № 2. S. 249–283.
35. *Van Dijk T.* The interdisciplinary study of news as discourse // *A handbook of qualitative methodologies for mass communication research* / red. K. B Jensen, N. W Jankowski. – London : Routledge, 1991. – S. 108–120.
36. *Zirk-Sadowski M.* Pojęcie dyskursu // *Kultura i Społeczeństwo*. 1992. Vol. 36, № 2. S. 61–74.